

ЗЕМЕЛЬНО-ПЕРЕДЕЛЬНЫЙ ТИП СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

(XVIII — начало XIX в.)

В. А. Александров

Исследователь, занимающийся позднефеодальной историей крестьянства в России, неизбежно сталкивается с различными типами сельских общин, существовавшими в разных регионах страны. В чернослободской общине на русском Севере, в Поморье, развилось подворное землепользование, и уже в XVI—XVII вв. внутри нее наблюдалось активное земельное обращение. Генетически с ней была связана и сибирская община, складывавшаяся с момента сельскохозяйственного освоения Сибири русским населением, то есть с конца XVI и в XVII столетии. Еще в дореволюционной историографии обращалось особое внимание на широкое бытование захватных форм в сибирском землепользовании; современное сибиреведение также признает, что в XVIII — первой половине XIX в. общим для всей Сибири было то, что отдельные крестьянские семьи наследственно владели своими пашенными участками. Та же картина наблюдалась на Урале. В 1827 г. безымянный автор проекта по преобразованию управления пермскими владениями Строгановых весьма своеобразно объяснил это явление. По его мнению, так как Строгановым издавна были пожалованы только пустопорожные земли с правом их заселять и осваивать, то они, принимая к себе переселенцев, для выгоды последних допустили потомственное пользование расширенными пашнями и сенокосами, «ибо не естественно, чтоб люди добровольно переменили места пребывания без пользы себе... и даже допустили те земли продавать и закладывать. Обыкновение сие, укорененное временем, приняло вид законности, и пермские крестьяне не имеют понятия о другом распорядке владения и о разделе земель»¹. Вполне очевидно, что, помимо «доброй воли» Строгановых, в данном случае имелись более существенные причины, укоренявшие подворное землепользование, которые объяснялись условиями освоения уральских земель и традициями, приносимыми поморскими переселенцами.

В среднерусской полосе в среде крестьянства, попавшего в подавляющей части в частнофеодальную зависимость, сложился иной поземельный тип общины — передельный. По всей вероятности, истоки этого специфического явления нужно искать в конце XV в. и на протяжении XVI в., то есть когда, с одной стороны, по мере постепенной ликвидации частных иммунитетов государственным земельным кадастром устанавливались границы резко возраставших частнофеодальных (поместных и вотчинных) владений, а с другой — проходил активный процесс внутреннего освоения удобных для земледелия земель. Таким образом, земельно-передельную форму община приобрела, по-видимо-

¹ ЦГАДА, ф. 1278 (Строгановы), оп. 2, д. 4294, лл. 3, 4.

му, первоначально под давлением, во-первых, частнофеодального землевладения, которое, занимая в центральной полосе России политически и структурно господствующее положение, замыкало хозяйство подвластных деревень определенными границами, и, во-вторых, собственно хозяйственных причин и агротехники, прежде всего трехполья как наиболее рациональной системы полеводства при все более сужаемом помещиками количестве пригодной для хлебопашества земли у крестьян.

Хорошо известно, насколько большое внимание уделялось и уделяется советскими историками-аграрниками проблемам втягивания крепостной деревни в товарно-денежные отношения, ее имущественной и хозяйственной дифференциации. Тем не менее еще далеко не выяснены все явления, обуславливавшие или тормозившие этот процесс, прежде всего порожденные внутренней хозяйственной жизнью крепостной деревни. Для того, чтобы выявить их, необходимо проследить наиболее характерные черты земельного хозяйства общины, попытаться выяснить его общественно-экономическую обусловленность, структуру, права и обязанности отдельных крестьян-общинников. Без конкретного знания всех этих обстоятельств нельзя понять ни существа передельной общины, ни процессов, в ней протекавших, ни, более того, определить стадии развития общинного землепользования.

Частнофеодальные наставления, кодексы и инструкции XVII—начала XIX в. свидетельствуют о том, что помещики старались не вмешиваться во внутриобщинные земельные дела и раскладку феодальных повинностей². Это, однако, вовсе не значит, что для них эти вопросы были безразличны. Помещику-крепостнику был нужен не нищий, а тяглоспособный крестьянин, хозяйство которого обеспечивало бы несение феодальной ренты в любых ее видах. В условиях крепостничества любой крестьянин был прикреплен к земле и вопрос о его тяглоспособности никогда не мог быть снят помещиком. Вотчинная и общинная администрация обычно в общем плане, но неуклонно обязывалась следить за исправным ведением крестьянами личных хозяйств, за равномерным распределением податей и повинностей во избежание «отягощения» и обеднения слабых дворов, препятствовать возникновению бобыльства и обращению земли внутри деревни и в целом не допускать пауперизации общинников. Подобные стремления помещиков проявлялись даже в тех случаях, когда они вполне явно опирались на зажиточную прослойку деревни.

Оставляя за общинами прерогативу земельной разверстки и поддержание тягловой платежеспособности крестьян путем их «справедливого» земельного обеспечения, феодалы возлагали на общины ответственность за выполнение тяглых обязательств, внешне уклоняясь от разрешения противоречий, возникавших между различными по имущественному положению слоями деревни. Если позиция феодальных владельцев (учитывая и их стремления к интенсификации своего хозяйства и к опоре на зажиточные слои деревни) представляется достаточно определенной, то в отношении общины дело обстоит сложнее; неизбежно возникают вопросы: насколько земельные внутриобщинные распорядки отражали взгляды помещиков, на каких принципах общины основывали земельно-тяглую разверстку и в какой степени она соответствовала собственно общинному землепользованию?

Структура сельских общин в средней полосе России XVII—начала XIX в. целиком определялась дворянскими владениями. По мере растаскивания феодалами в центре России черных земель разрушалась община-волость, и общинные образования в каждом частнофеодальном

² Подробнее об этом см.: В. А. Александров. Сельская община и вотчина в России (XVII—начало XIX в.). «Исторические записки», Т. 89. М. 1972.

владении зависели от его размера. В условиях поместной системы и практики купли-продажи вотчинных, а затем и поместных владений отдельные селения или целые их группы постоянно переходили из одних рук в другие; создавались разнообразные по размеру и структуре общины — простые, состоявшие из одного селения, и сложные, которые в крупных владениях фактически представляли собой общины-волости. В процессе обращения дворянских владений одно и то же селение могло то составлять простую общину, то, перейдя в руки другого феодала, стать частью сложной общины. Эти обстоятельства не могли не отразиться на порядке общинного распределения угодий.

Многочисленные примеры, сохранившиеся с XVII в., свидетельствуют о сложной и развитой системе общинного земельного хозяйства и четком уравнительном распределении земель в сложных общинах между отдельными селениями. В середине XIX в. Б. Н. Чичерин доказывал, что практика уравнительного раздела земли по числу душ обуславливалась подушной податью, введенной при Петре I³. Эта идея оказалась весьма живучей, хотя на самом деле принцип о равном подушном праве на земельное обеспечение между селениями в сложных общинах существовал задолго до появления подушной подати. Это право прослеживается по раздельной земельной записи 1691 г., составленной в вяземской вотчине бояр Г. Ф. и К. Ф. Нарышкиных⁴. Эта огромная вотчина с центром в селе Архангельском (Сычовская вол.) насчитывала 4 погоста и 123 деревни, в которых проживало 2340 душ мужского пола. По указанию владельцев вотчина в хозяйственно-тяглых целях была разделена на две «половины» строго пополам, как по душам мужского пола, так и по угодьям — пашням и сенокосам — «все пополам надвое и тем роздельным деревням и пустошам положили мы меж себя полюбовна и расписали порознь которым быть деревням в верхней и в нижней половинам и положили тем деревням между промеж деревень»⁵. Часть пустошей как мирской резерв, речки и колодцы вместе с проездами к ним, «хоромный» лес, имевшийся только в одной «половине», были определены в общественное владение. Этот раздел был осуществлен двумя представителями бояр, двумя старостами и 26 «выборными» крестьянами, составлявшими, по-видимому, мирскую комиссию.

На протяжении XVIII — начала XIX в. равенственное, по числу душ, распределение угодий между селениями прослеживается во многих сложных общинах, причем сами владельцы имений придерживались этого правила. Об этом свидетельствуют многочисленные документы 1730-х, 1740-х—1760-х, 1790-х годов по Писцовскому именью, последовательно принадлежавшему князьям Долгоруким, Грузинским и Голицыным (Нерехотский уезд). Периодически за каждым селением, исходя из объема наложенного на него тягла, общиной закреплялось определенное количество пашенной земли и сенокосов. В случае недостатка прилегающих к селению пахотных земель крестьянам выделялись свободные полосы, расположенные около других селений, или участки пустошей. По мере изменения тяглых возможностей крестьянских дворов проводились переоброчки, в результате которых из хозяйственного обихода селений выпадали отдельные полосы тяглой земли; их передавали другим тягледам, причем необязательно из близлежащих селений, или же они оставались «впусте». Такие передачи, естественно, усложняли земельные отношения между отдельными селениями, возникала необходимость междеревенского упорядочения в землепользовании и производился общинный передел.

³ Б. Чичерин. Опыты по истории русского права. М. 1858, стр. 46.

⁴ ЦГАДА, ф. 1272 (Нарышкины), оп. 1, д. 1219, лл. 1—22.

⁵ Там же, лл. 1 об.—2.

К 1732 г. во многих деревнях образовалась тяглая «пустота», и общиной была принята новая тяглая раскладка⁶. В связи с этим в июне 1733 г. мирским приговором было решено имевшуюся «пустоту» на ближайших к селениям полевых землях разделить на «жилые» тягла и тем самым частично сконцентрировать пашни, забросив ранее использовавшиеся дальние пустоши⁷. Каждая деревня подавала в приказную избу прошение с конкретным указанием о снятии с нее тех или иных земель и приверстании в оклад других, а выборные земельные мерщики, проверив соответствие земли и тяглового обложения, докладывали в приказную избу, где вопрос и решался. Сохранились заявления, поданные 25 селениями, входившими в состав общины. Одни из них просили только снять с них в «мирскую пустоту» участки, отведенные им ранее на отдельных пустошах, а вместо них внести в тяглый оклад образовавшуюся «пустоту» на их основном, близлежащем поле⁸. Но чаще отдельные селения вступали в сложные отношения друг с другом. При новом земельном раскладе у многих деревень не хватало своей «пустоты» на ближних полях, чтобы обеспечить полностью положенное на них «жилое тягло». Поэтому 12 деревень ходатайствовали о передаче им оставшейся пустой земли соседей⁹; при этом некоторые из них отказывались от принадлежавших им дальних пустошных участков. Так, дер. Коромыслово сдала в «мирскую пустоту» пустошные земли, которые были затем отданы неподалеку от них расположенной дер. Крюково, а сама получила удобные участки из «многой пустоты» соседних деревень Лесниковой и Чернятиной, и т. д.¹⁰

Эта переверстка не обходилась без протестов и даже сопротивления со стороны отдельных деревень. Дер. Бутово (Буткино) испытывала недостаток в земле, поэтому она обратилась с просьбой отмежевать ей полосы из «пустоты» дер. Церковново, земли которой были с ней смежны. Однако крестьяне дер. Церковново, не желая отдавать из своего уваженного поля $2\frac{1}{4}$ дес. свободной земли, запротестовали и предложили взамен сдать 3 дес. расчищенной и распаханной пустошной земли.¹¹ Дер. Селезнево, отдав свободные $2\frac{1}{4}$ дес. в дер. Высоково, воспротивилась передаче десятины в дер. Юрцыно, так как полагала, что ей «способно придать нашего ж владения на пустоши»¹². Наконец, крестьяне дер. Сватково категорически отказались отдавать в дер. Красково десятину с полосьмухой пашни¹³.

В рассмотренной переверстке можно уловить обстоятельство, весьма существенное для понимания всей структуры землепользования сложной общины. Община сохраняла за собой право на общемирское размежевание, распоряжаясь всеми землями и периодически упорядочивая земельное обеспечение отдельных селений. Но, как бы оно ни происходило, за каждой деревней или группой деревень закреплялось определенное «владение» — близлежащее поле или освоенная часть пустоши. От этого «владения» (если крестьяне не использовали его полностью в хозяйственных целях) между общими переделами отдельные участки могли быть переданы нуждавшимся в земле крестьянам других деревень, но лишь временно. Приказная изба выдавала в таких случаях «билеты», удостоверявшие право на землепользование до следующей «валовой меры» или до «указа». Отдаленные, а тем более неосвоенные пустоши составляли общинный мирской резерв.

⁶ Там же, ф. 1396 (Писцовское вотчинное управление), оп. 1, д. 109, лл. 1—4; д. 122, лл. 1—3об.

⁷ Там же, д. 121, лл. 28, 75об.

⁸ Там же, лл. 2об, 10—14, 16, 18, 19об, 20, 21, 42, 64.

⁹ Там же, лл. 3—6, 25об., 55, 57, 63.

¹⁰ Там же, лл. 26; 60, 78—79об

¹¹ Там же, лл. 7, 46, 61об., 65об., 66, 70, 71.

¹² Там же, л. 69

¹³ Там же, лл. 82, 83; см. также, лл. 34, 35, 59, 81.

Границы этих «владений» традиционно поддерживались, причем не только на основе обычая, но и документов государственного происхождения, как бы давно они ни были составлены. В 1734 г. часть Писцовской вотчины — деревни приселка Сотницы были заложены Долгорукими генералу Чекину. Крестьяне этого приселка имели основание думать, что они окончательно попадут под власть нового владельца и выйдут из состава Писцовской общины. Поэтому они «своевольно» начали возвращать свою «пустошную» пашенную землю и покосы, переданные общиной при земельном переделе 1733 г. соседним деревням. По этому поводу в июле 1734 г. был созван мирской сход, который признал необходимым отдать сотниковским крестьянам земли, числившиеся за ними еще по писцовым дачам 1630/31 г., но одновременно постановил отобрать у них те пашни и покосы, которые в 1733 г. им были отведены от других деревень в целях создания одинаковых для всех условий исполнения повинностей¹⁴.

Равенственное по числу душ распределение земли между селениями Писцовской общины неуклонно соблюдалось и в дальнейшем. Основу этого распределения составляла тяглая повинность, которая разверстывалась между отдельными дворами, а ее объем в условных единицах по отдельным селениям соответствовал площади используемых ими пашен и сенокосов. От 1738 г. сохранился неполный реестр «жилого тягла» по селениям общины, составленный после «имянной» переписи населения¹⁵. Такой же реестр тяглой перераскладки сохранился от 1743 г., когда по каждому селению было указано увеличение или падение объема тягла¹⁶, что, в свою очередь, могло повлечь перераспределение земли, подобное проведенному в 1733 году. Кроме того, известны обрывки реестров об обеспечении пашенной землей отдельных селений и ее перераспределении между ними в 1754, 1756, 1757, 1759, 1767 годах¹⁷. Данные этих документов подтверждают бытовавшее право деревень на землю, составлявшую их «владение». Так, в 1767 г. дер. Красково в связи с увеличением ее тягла получила назад более 6 дес. земли, отданных в 1759 г. как излишек дер. Путилова гора¹⁸.

Наконец, одновременно с проведением пятой ревизии в Писцово мирской земельной комиссией была осуществлена опись всех земель (1794—1795 гг.) и был составлен реестр по всем 38 селениям о соответствии площади принадлежавшей им пашни количеству душ. По этому реестру видно, что 19 селений имели 430 дес. «излишков», а 16 селениям не хватало 473 десятины¹⁹. В апреле 1796 г. для уравнительного разверстания земель между селениями на сходе была создана многочленная комиссия, в которую от всех 38 селений вошел 51 человек²⁰. К июню земельное уравнивание между деревнями было завершено, причем мирскими приговорами было подтверждено право владения, как велось исстари, пашенными и пустошными землями — подразделениями общины — «третьями», внутри которых каждому крестьянину-дворовладельцу по принятому тягальному окладу земля выделялась на 20 лет²¹. Таким образом, земельно-тяглое междеревенское перераспределение было ограничено определенным, весьма значительным сроком.

Аналогичный порядок земельного распределения соблюдался, по данным 1730-х—1750-х годов, в сложной общине с центром в с. Лежнево, принадлежавшей Долгоруким (Суздальский уезд). Лежневская

¹⁴ Там же, д. 120, л. 13об.

¹⁵ Там же, д. 216, лл. 1, 2 (обрывок аналогичного реестра за 1752 г. см. д. 376, л. 1об.).

¹⁶ Там же, д. 266, лл. 1, 2.

¹⁷ Там же, д. 403, л. 1об; д. 441, лл. 1—11; д. 442, лл. 1—7.

¹⁸ Там же, д. 442, л. 3.

¹⁹ Там же, д. 963, л. 1; д. 964, лл. 1, 2.

²⁰ Там же, д. 962, лл. 6, 7.

²¹ Там же, лл. 10об, 14об.

вотчина в 1720-х годах увеличилась за счет приобретения Долгоруки-ми соседних владений Бутурлиных и Одоевских. Новые владения, войдя в состав этой вотчины, образовали отдельные дачи сложной общины со своими земельными угодьями; долгое время собственно лежневские крестьяне, обладавшие бóльшим количеством земли, противились уравнительному ее распределению между дачами, несмотря на жалобы соседей и приказы феодальных владельцев²². Только по сохранившемуся от 1759 г. приговору схода известно, что мирские люди «со всего своего согласия» выбрали земельные «разводчиков» от с. Лежнева и от «вольных» крестьян для размежевания покосов и равномерного установления границ между дачами. Мирские приговоры за 1738, 1740 и 1741 гг. Одоевской дачи и за 1738—1741, 1746 гг. Бутурлинской дачи свидетельствуют о бытовании в них твердо установившейся, развитой и довольно сложной системы земельной разверстки между деревнями²³, согласно которой сходы отдельных дач систематически и скрупулезно перераспределяли землю между деревнями, производя частное земельное поравнение между ними.

Проводилось это строго уравнительно, с учетом ежегодных изменений в хозяйстве отдельных крестьян. О трудности таких поравнений можно судить уже по тому, что в Одоевской даче они осуществлялись между 17 населенными пунктами (одно село, один поселок, 15 деревень), а в Бутурлинской — между 33 селениями. Полевая земля, оставшаяся в той или иной деревне «в лишке», передавалась соседней деревне, если у нее земли не хватало. Пустоши, числившиеся за всей дачей в целом, разверстывались между деревнями особо. В Одоевской даче почти каждая деревня или отдавала, или принимала землю от соседей. При этом, по-видимому, происходило и поравнение земли по качеству между деревнями: в 1740 г. дер. Шамшурка отдала землю на 6 условных тяглых единиц — «копеек» дер. Симонихе, а сама столько же приняла от дер. Сверчково; дер. Мальчиха отдала на 3 «копейки» в дер. Яковлево, но приняла от села Михалева на 6 «копеек» и от деревень Хмельники и Грива — по две «копейки». В 1741 г. та же дер. Шамшурка вновь отдала в дер. Симонику 4 1/2 «копейки» и приняла из Хмельников 6 «копеек» и из Сверчково — 1 «копейку» и т. д. При таком ежегодном поравнении земля не разверстывалась по даче в целом, а свободные участки одних деревень лишь передавались во временное пользование крестьян соседних деревень. При этом существовала известная последовательность в передаче и приеме земли от одной деревни к другой. На протяжении 1738, 1740, 1741 гг. 7 одних и тех же деревень Одоевской дачи передавали свободную землю, а 10 других деревень ее принимали. В целом по даче в 1738 г. было передано одними и принято другими деревнями земли на 121, в 1740 г. — на 136 1/2, в 1741 г. — на 133 3/4 «копейки». Чаще всего такие передачи осуществлялись между одними и теми же, безусловно, смежно расположенными деревнями; с. Михалево ежегодно выручало крестьян дер. Симонихи и 2 года подряд — дер. Мальчиху; дер. Лупаново неизменно удовлетворяла нужды дер. Щипоусихи, дер. Сверчково — деревень Вотола, Дориха, Шамшурка, а дер. Грива — дер. Мальчихи и т. д. Таким же образом происходила земельная междеревенская разверстка в Бутурлинской даче²⁴.

В оброчных поволжских вотчинах графов Орловых земельное распределение между селениями также полностью осуществлялось общинами. На протяжении 1770-х годов В. Г. Орлов довел до сведения крестьян свои требования о порядке несения ими повинностей и земельном пользовании и, как правило, в дальнейшем старался не вмещи-

²² Там же, ф. 1373 (вотчинное правление кн. Долгоруких в с. Лежнево), оп. 1. д. 1а, лл. 20, 21; д. 18, лл. 51, 52.

²³ Там же, д. 34, лл. 1—6об; д. 35, лл. 1—4, 8—11; д. 42, лл. 1—10; д. 66, лл. 1—9.

²⁴ Там же, дд. 34, 35, 42, 66.

ваться в детали земельного общинного распорядка²⁵. В частности, в 1776 г., когда из Бежецкой вотчины ему отписали, что пашня используется «черным делом по полостно», В. Г. Орлов даже не понял этого народного выражения и попросил его объяснить²⁶. Относительно земельных уравниваний между селениями в разных общинах, принадлежавших Орловым, сомнений не возникает. В их ярославской вотчине Никольском (Рыбинский уезд) такое уравнивание было произведено в 1771 г., то есть вскоре после пожалования имени Орловым. Всего к тому времени община объединяла 46 селений (села Никольское и Сельцы и 44 деревни). Сохранились мирские приговоры от 5 и 24 апреля 1771 г. о подготовке к этой сложной и ответственной операции и датированная 10 мая ведомость о распределении полевой земли между селениями²⁷. После завершения общей земельной описи крестьянские землемеры расписали землю между отдельными селениями, причем в случае недостатка ее у некоторых деревень она отводилась тем или иным дворам не только «по месту жительства», но и на свободных полосах других селений общины. После окончания общего межевания было заключено частное соглашение внутри общины между селами Никольским, Сельцами и прилежавшими к ним деревнями и группой так называемых рыбенских приселков, стоявших несколько обособленно. При этом рыбенские приселки (деревни Макарово, Стерлядево и др.) отказались претендовать на какие-то земли, а никольские и селецкие крестьяне, получив эти земли, приняли на себя уплату с них оброка в размере 360 руб., составлявшего половину всей оброчной суммы, падавшей на приселки²⁸.

Такое же междеревенское уравнивание в Никольском произошло и в 1782 г., когда мирским приговором для обмера пашенной земли «по самой справедливости» была избрана комиссия земельных «мерщиков» из 15 человек и крестьяне всех селений под угрозой штрафа и телесного наказания были обязаны показывать им свои земли без утайки²⁹.

Общие размежевания земель осуществлялись только с разрешения московской вотчинной конторы феодала и утверждались мирскими приговорами, принятыми единогласно на «валовых» сходах³⁰. Частные земельные размежевания между отдельными селениями время от времени происходили в разных общинах Орловых с санкции мирских сходов. В 1780 г. судная изба Никольской вотчины разбирала спор о покосной земле, возникший между деревнями Дулово и Слободка; в 1785 г. там же крестьяне двух сел — Никольского и Сельцов — договорились о совместном использовании смежного пахотного поля, если у никольских крестьян выявится земельный недостаток, и о выделении в Никольском дворовых и овинных участков вновь образующимся в Сельцах дворам; в 1788 г. последовало соглашение между дуловскими и слободскими крестьянами об использовании сенокосов, о прогоне скота, его пастьбе на паровом поле и сенокосных участках после уборки сена и запрещении проезда через поля до уборки урожая³¹.

В инструкции И. И. Шувалова по управлению владимирской вотчиной (1790-е годы) также говорилось об уравнительном размежевании земель между деревнями, по-видимому, по числу душ, так как количество тягол должно было определяться площадью этих земель³².

²⁵ Там же, ф. 1273 (Орловы — Давыдовы), оп. 1, д. 508, лл. 66, 67; д. 509, л. 3об; д. 510, лл. 7—9об; ф. 1454 (Сидоровское вотчинное правление), оп. 2, д. 1038, л. 2.

²⁶ Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 510, л. 39.

²⁷ Там же, ф. 1384 (Орловы — Чесменские), оп. 1, д. 2, лл. 1об., 4, 5; д. 4, лл. 1—8.

²⁸ Там же, д. 2, лл. 7об, 8.

²⁹ Там же, д. 39, лл. 14, 15, 23—25.

³⁰ Там же, ф. 1454, оп. 2, д. 1225, лл. 5, 6.

³¹ Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 13; д. 72, л. 8; д. 114, л. 33об.

³² М. В. Довнар-Запольский. Материалы для истории вотчинного управления в России. «Университетские известия», Киев, 1909, № 7, стр. 227, 228.

Точный учет земель каждого селения осуществлялся и в костромской вотчине Головиных — Куракиных Погорелки (Чухломский уезд). От 1783 г. сохранилась «книга раскладная десятинная» («что под которой деревней состоит по мере земли») с полным перечнем земель — пахотных, запольных, пустошных и мирского резерва в 363 дес. («впредь для всяких надобностей»), использование которого было возможно только с разрешения феодала³³. В 1789 г. мирская комиссия из представителей всех деревень общины, по всей вероятности, в том же порядке проводила «поверку» сенных покосов³⁴. О практике общемирского распоряжения землей разных деревень можно судить по тому, что в 1796 г. не менее 50, а в 1798 г. — не менее 70 крестьян использовали пахотные земли, находившиеся вне «владения» своих деревень³⁵. От 1812 г. сохранился также реестр о наличии в 14 деревнях свободных пахотных земель на 175 условных тяглых единиц (а в 7 деревнях о недостатке их на 77 таких же единиц) с конкретным указанием, кому были розданы эти участки³⁶. Таким образом, и в с. Погорелки твердо придерживались принципа подеревенского «владения» землей, но с правом общины передавать неиспользовавшиеся участки крестьянам тех селений, где земли не хватало. Известно также о междеревенских спорах о покосах и их мирском размежевании между 7 деревнями общины чухломской вотчины Аксеново М. А. Дмитриева-Мамонова в 1814 году³⁷. В принципе тот же порядок земельного хозяйства у сложных общин существовал в многочисленных вотчинах Шереметевых, где, как и в Писцово, междеревенские переделы в конце XVIII в. были ограничены с санкции феодалов 20 годами³⁸.

Рассмотренные примеры земельного хозяйства касались сложных общин, находившихся на оброке. В барщинных имениях, где вотчинная администрация значительно строже вела надзор над общинными землями, в принципе также поддерживался порядок равенственного обеспечения селений угодьями, но вряд ли всегда феодалы мирились с практикой деревенского «вечного владения». Так, Н. П. Панин в 1810 г. после очередного межевания земель в своем смоленском Дугинском имении, видя наличие необрабатываемых земель «во владении» многих деревень, издал приказ о проведении в ближайшее же время «справедливейшего разделения»³⁹. По его «вотчинному положению» 1820 г. все имение разбивалось на восемь вытей с приблизительно одинаковым количеством тяглов (в 6 вытах — от 369 до 373 и лишь в двух — 411 и 318); отмежевывать земли крестьянским семьям предписывалось лишь на пять лет, после чего по состоянию тяглов должна была следовать пережевка⁴⁰. При таком вотчинном надзоре за тяглым состоянием каждого двора феодал, конечно, не считался с «вечным владением» отдельных деревень.

Как правило, община регулировала и порядок междеревенского использования угодий (пастьба скота, в том числе по скошенным полям, его прогон на пастбища, огораживание полей, использование леса и резервных пустошей и т. п.). Внутридеревенское размежевание осуществлялось самими соседями, но возникавшие между ними споры разрешались представителями общины. В начале 1771 г. мирской сход

³³ ЦГАДА, ф. 1369 (Натальинское вотчинное правление Чичериных), оп. 1, д. 35, лл. 1—10.

³⁴ Там же, д. 51, л. 22.

³⁵ Там же, д. 82, лл. 9, 10, 25, 26.

³⁶ Там же, д. 172, лл. 22, 23.

³⁷ Там же, ф. 1268 (Аксеновское вотчинное управление), оп. 3, д. 3, л. 18 об. д. 6, л. 5.

³⁸ К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М. 1947, стр. 65, 198.

³⁹ ЦГАДА, ф. 1274 (Панины — Блудовы), оп. 1, д. 1139, л. 15.

⁴⁰ Там же, ф. 1378 (Дугинское вотчинное правление), оп. 1, д. 739, лл. 1—3, 20 об.

ярославского с. Никольского признал справедливой просьбу группы крестьян дер. Рукавово об упорядочении деревенского землепользования; он постановил размежевать дворовую и полевую земли в соответствии с объемом тягла и ликвидировать дробность пашенных полос у отдельных крестьян⁴¹. В 1778 г. также было упорядочено землепользование в дер. Гаврильцово той же общины⁴².

Индивидуальные соглашения между крестьянами об использовании выделяемых им полос допускались, причем, распределяя полосы между собой, крестьяне учитывали не только их качество, но и расположение. В ярославской Елоховской общине в 1800 г. при частной переоброчке, когда 4 крестьян получили дополнительную землю, мирским приговором было решено: «Владеть во всех участках в их полосах или как они любовно между собой расположатся»⁴³. В 1811 г. 2 крестьян костромского с. Сидоровского показывали в вотчинном правлении: «А при раскладке пашню (в одном поле.— В. А.) мы делили по жеребью и всякой для своей выгоды менялись и сводили для того, чтобы были места пошире, а такие добровольные промены делали без ведома правления и по отдаленности земли брали вдвое»⁴⁴.

Итак, в поземельном внутриобщинном распределении прослеживались противоречивые тенденции. Основу пашенного хозяйства крестьян-общинников составляли угодья отдельного селения (пашни, сенокосы), которые в сложных общинах размежевывались между селениями уравнительно по числу душ. В феодальной вотчине это подеревенское обособление земель имело, конечно, исключительно условное значение, ибо помещик в любой момент мог проявить свою власть. Однако, если крепостник не вмешивался во внутриобщинные земельные отношения, бытование «права» собственности отдельного селения на «свою» землю было не чем иным, как отражением определенного этапа в общей эволюции внутриобщинного землепользования. Кроме того, в условиях крепостничества существование внутри сложной общины подеревенского «владения» угодьями приобретало еще особый смысл; при непрерывном обращении имений среди феодалов крестьяне отдельных селений пытались на праве давности и обычая предохранить угодья, составлявшие основу их хозяйств, в случае продажи какого-нибудь селения другому феодалу и отчуждения из состава той сложной общины, в которую оно до того входило. Как бы ни оправдывал И. Болтин действительность своего времени и устремления крепостников к абсолютному праву на личность, землю и имущество крестьян, он заметил это явление: «Крестьянин каждой имеет свою собственность, не законом утвержденную, но всеобщим обычаем, которой имеет силу не меньшую закона»⁴⁵.

Вместе с тем сложная община сохраняла за собой право повседневного распоряжения выгонами, водами, лесами, земельным пашенным резервом и право передачи части пашенного «владения» одной деревни во временное пользование другой. В целях неукоснительного выполнения тяглых обязательств и удобства ведения трехпольного полеводства община могла осуществлять размежевание крупных пахотных массивов между группами селений или крестьянских хозяйств, разрешала земельные споры, приводила общими силами в культурное состояние землю

⁴¹ Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁴² Там же, д. 28, л. 14об. Земельное размежевание в дер. Горушкино Аксеновской вотчины М. А. Дмитриева-Мамонова в 1813 г. также было разрешено по постановлению «валового» схода (там же, ф. 1268, оп. 3, д. 3, л. 16об).

⁴³ Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 344, лл. 63—66.

⁴⁴ Там же, ф. 1454, оп. 2, д. 1225, л. 3.

⁴⁵ И. Болтин Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 2. Б/м. 1788, стр. 340.

под пашню и сенокосы, наконец, проводила общественную запашку для обеспечения одиноких стариков, солдаток с детьми и т. п.⁴⁶.

Таким образом, по данным XVIII — начала XIX в., в сложных общинах наблюдалось сочетание общеобщинного и подеревенского землепользования. Именно в практике подобного землепользования, отлившейся в нормах обычного права, следует искать ответ на вопрос о характере земельных переделов. Нет оснований думать о бытовании повсеместных и систематических общих переделов земли в общинах. Они могли проводиться эпизодически, когда приходилось упорядочивать земельное хозяйство общины в целом. С. В. Пахман, опиравшийся на массовые факты середины и начала второй половины XIX в. (когда после реформы 1861 г. в деревне неизбежны были общие перемережки), признавал, что общие переделы в общинах — средство крайнее⁴⁷. В то же время практика временной передачи земли от одной деревни к другой давала возможность общинам избегать крайне сложных и чреватых столкновениями и протестами общеземельных переделов и ограничиваться переделами частными, то есть «поравнениями».

Бытование внутриобщинного «вечного» подеревенского землепользования далеко не всегда отвечало взглядам помещиков. В этом вопросе их мнение обычно определялось формой феодальной ренты. В имениях, где мирская традиция равенственного обеспечения землей отдельных селений по душам совпадала с интересами феодала, исподволь укреплялось также и представление о земельном «владении» каждого крестьянина в границах угодий его деревни, — «владении», разумеется, условном, к тому же до тех пор, пока он оставался тяглоспособным. Чаше всего это могло наблюдаться в оброчных имениях. В этих случаях участки на ближайших к селению полях использовались отдельными крестьянами постоянно и переходили от дворовладельца к его наследникам, опять же если не уменьшалось тяглое обложение двора. Хозяйственно целесообразным признавалось это и некоторыми помещиками⁴⁸. При барщинной системе эксплуатации помещики подчиняли земельное распределение внутри общины между селениями более строгому вотчинному контролю во имя максимальной утилизации земель в тяглых целях. Они исходили из тяглых обязательств крестьянских семей по отношению прежде всего к барской запашке, ограничивали или игнорировали «права» подеревенского «владения», проявлявшиеся внутри общины. Заметить это можно на примере смоленского Дугинского имения Н. П. Панина, но за отсутствием иных сведений данный вывод требует еще подтверждения.

Равенственное обеспечение землей отдельных селений в сложных общинах точно по числу душ вовсе не обязательно распространялось на распределение земли между отдельными дворами внутри этих селений. Выделение земельного надела двору определялось принципами тяглого обложения, принятыми в той или иной общине. Эти принципы заслуживают специального рассмотрения, но в целом там, где общины, даже в барщинных имениях, сохраняли за собой прерогативу тяглой разверстки повинностей среди своих членов, они стремились прежде всего подойти к этому важнейшему вопросу с хозяйственно-экономической точки зрения и порой добивались скрупулезно дифференцированной оценки тяг-

⁴⁶ Об общественных работах в общинах см.: ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 546, л. 4; ф. 1369, оп. 1, д. 68, л. 1; д. 232, л. 31; Ф. А. Дурасов. О лучшем разделении крестьянских полей. «Труды» Вольного экономического общества. Ч. 72. СПб. 1821, стр. 222, 223.

⁴⁷ С. В. Пахман. Обычное гражданское право в России. Т. 1. СПб. 1877, стр. 19. О том же см.: А. Васильчиков. Землевладение и земледелие в России и других европейских странах. Т. II. СПб. 1876, стр. 745.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1605 (из коллекции Г. Ф. Юдина), д. 159, л. 197об; У. Карпович. Хозяйственные опыты тридцатилетней практики или наставление для управления имениями. СПб. 1837, стр. 311—315; Ф. А. Дурасов Указ. соч., стр. 237.

лых возможностей каждого двора. Обусловливалась эта практика, с одной стороны, чувством самосохранения, желанием выдержать феодальный гнет, а с другой — втягиванием деревни в товарно-денежные отношения.

Общинная практика тягло́й раскладки повинностей в зависимости от хозяйственных возможностей двора вовсе не означала стремления к хозяйственной нивелировке крестьян-общинников. Общинные земельно-тяглые комиссии систематически, а сплошь и рядом ежегодно, приводили объем тягла в соответствие с хозяйственной мощностью двора. В Галичской вотчине Мещериновых в 1720-х — 1730-х годах постоянно происходило распределение пустовытного тягла, снятие тягла и раскладка его на других крестьян, с тем чтобы «платить подати поровну применительно к рабочей силе в семье»⁴⁹. От середины XVIII в. (ориентировочно 1751/52 г.) сохранились обрывки реестра о переоборочке отдельных крестьян в уже упоминавшейся Писцовской общине, во время которой при снятии части тягла с одних крестьян соответствующие участки пашни передавались другим⁵⁰. Уцелела также (правда, не полностью) по той же вотчине «окладная книга» 1775 г. с более поздними пометками о земельном перераспределении вплоть до 1783 года⁵¹. По этим пометкам можно видеть, что в с. Дмитриевском у 80 крестьян за эти годы было более 40 случаев частичной сдачи тягла и передачи его соседям; в дер. Путилова гора, насчитывавшей 56 крестьян, за эти годы прослеживается 23 подобных случая, в дер. Седельницы (52 крестьянина) — 19, в дер. Юрцыно (56 крестьян) — 16 случаев и т. д. Как правило, такие передачи происходили между односельчанами, но они не исключались и между крестьянами разных деревень этой общины. Судя по формулировкам заметок, с большой долей уверенности можно предполагать, что с мирского разрешения передача тягла чаще совершалась по предварительному частному соглашению между отдельными крестьянами (такой-то «отказал» такому-то, такой-то «принял» от такого-то). Но бывали случаи, когда эта передача осуществлялась непосредственно по указанию мира («По мирскому приговору положено» или «снято»). Уменьшения тяглых обязательств иногда оказывались весьма значительными: снималась $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{2}{3}$ тягла.

Нет основания думать, что мирские решения при этом принимались автоматически; изменение обложения отдельных дворов не должно было отразиться на общеобщинном тягловом окладе, и мирское правление, с одной стороны, не могло без особого повода соглашаться на уменьшение оклада двора, а с другой — должно было быть уверенным в возможностях двора, принимавшего дополнительное тягло. В уже упоминавшейся Лежневской вотчине снижение тяглового оклада в 1730-х — 1760-х годах происходило «за разными случаями», в частности при изменении численного состава работников в семьях (смерть ее членов, отдача их в рекруты или дворовые люди и т. п.). В датируемом приблизительно 1740-ми годами «реестре Бутурлинской дачи сельским какого что тягла вновь прибавлено или с кого убавлено» перечислены 43 крестьянина, у которых уменьшалось или увеличилось тягло. В заключение реестра указан итог тяглового перераспределения: убыли — $7\frac{1}{4}$ «копеек», прибыли — $14\frac{1}{4}$ «копеек»⁵².

Сохранились довольно систематические данные о деятельности земельно-тягловых комиссий, ежегодно созывавшихся в ярославской

⁴⁹ Ф. А. Рязановский. Крестьяне Галичской вотчины Мещериновых в XVII и первой половине XVIII века. Галич. 1927, стр. 54.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 355, л. 1об.

⁵¹ Там же, д. 623, лл. 1—11.

⁵² Там же, ф. 1373, оп. 1, д. 90, лл. 1, 2. О том же имеются сведения по Лежневской общине за 1744, 1748, 1766 гг. (там же, д. 1, лл. 29, 30, 33, 34; д. 61, лл. 17об, 19об. 21, 25, 26, 28, 29, 31об, 35, 38).

Никольской общине, принадлежавшей Орловым. Так, в апреле 1772 г. в судной избе было принято решение уменьшить тягло у 19 человек. По-видимому, в одних случаях тяглая земля «снялась» непосредственно по представлению земельных окладчиков, в других — при предварительном заявлении самих крестьян, которые «отказывали» землю. Объем снятых частей тягла был очень различен (от 5 до 45 «копеек»); освобожденная пашенная земля была разложена миром на 26 крестьян, причем далеко не всегда с их согласия⁵³. Кроме того, окладчики усмотрели, что у 46 крестьян оклад «легкий»; мир решил, что 14 из них необходимо увеличить оклад⁵⁴. Не менее подробны сведения о частичной переобролке, произведенной в Никольском в апреле 1786 г., когда было снижено тягло с уменьшением пашенных участков у 24 крестьян, а земля передана 28 другим крестьянам. За исключением одного случая, снижение тягла происходило по заявлению крестьян (такой-то «отказал»), а передача — преимущественно по инициативе мира («положена» на такого-то — 24 случая)⁵⁵. Аналогичные окладные росписи перераспределения тягла сохранились по Никольской общине за 1808 и 1810 годы. В 1808 г. земля была частично «снята» с 28 крестьян. В 1810 г. тягло было снижено у 24 и соответственно разложено на 34 крестьян (в 23 случаях — «принято», в 10 — «положено»: в одном — половина снятой с крестьянина части тягла была «положена» на другого крестьянина, а другая половина им же «принята»)⁵⁶. Когда соглашение о передаче земель, составлявших «владение» той или иной деревни, заключалось между соседями, мирское решение уточнялось существенным замечанием — «положено» (или «принято») «в вечное владение»⁵⁷.

Снятием части тягла и передачей его другим крестьянам община полностью не добивалась получения необходимых ей средств. Различные непредвиденные мирские расходы, единовременные льготы по обложению и недоимки необходимо было компенсировать. Поэтому в документации Никольской общины начала XIX в. появились еще «накладные деньги», которые налагались «по определению мирскому на исправных за маломочных крестьян»⁵⁸ и составляли отдельную, причем непостоянную, статью обложения. Их сумма колебалась из года в год и по-разному раскладывалась на «исправных» крестьян. В целом окладные книги по Никольской общине за 1783, 1786, 1805, 1808—1810 гг.⁵⁹, содержащие при списочно-поселенном составе всей общины все данные о тяглом обложении, свидетельствуют о том, что оно отнюдь не представляло собой застывшую величину. Сличая за ряд лет тяглые оклады, падавшие на отдельные деревни, легко можно убедиться, что они уменьшались или увеличивались в результате постоянного изменения окладного обложения отдельных крестьянских дворов. Та же практика осуществлялась и в других поволжских вотчинах Орловых. В Елохове в 1800 г. мир освободил от тяглых обязательств на $5\frac{1}{4}$ «души» 5 человек и наложил $9\frac{1}{2}$ «душ» на 11 крестьян; в 1802 г. было сложено с 4 крестьян 4 «души» и наложено на 12 крестьян — $8\frac{1}{2}$ «душ», а в 1803 г. «полная мирская сходка» сочла необходимым увеличить тяглое обложение у 83 крестьян на 52 «души» и «сложить» на $8\frac{1}{2}$ «душ» тягло с 9 дворов⁶⁰. В Болотниковской вотчине, по данным 1808, 1809 и 1811 гг., также путем «складочных душ с бедных» и «накладочных душ» на прожиточных об-

⁵³ Там же, ф. 1384, оп. 1, д. 4, л. 3об.

⁵⁴ Там же, лл. 4, 5.

⁵⁵ Там же, д. 83, лл. 1, 2.

⁵⁶ Там же, д. 725, лл. 29—32.

⁵⁷ Там же, д. 654, лл. 25—29.

⁵⁸ Там же, л. 23об.

⁵⁹ Там же, д. 55, лл. 2—12об; д. 83, лл. 3—12; д. 550, лл. 1—24; д. 654, лл. 1—23; д. 725, лл. 1—26, 33—60.

⁶⁰ Там же, д. 344, лл. 43об.—45об; д. 368, лл. 24об.—27; д. 467, лл. 11об.—15.

щина обеспечивала поступление в мирскую кассу общей окладной суммы⁶¹.

Не менее последовательно переложение тягла с передачей земли прослеживается в чухломской вотчине Куракиных Погорелки по сведениям 1807 года. В общине был составлен реестр, «кто скидывает тягло». В нем было учтено 45 дворов, обложение которых в целом уменьшалось на 72½ «копейки»⁶². По принятому «реестру на кого прибавить тягла по новому раскладу» скинутые части тягол были распределены между 89 крестьянами⁶³. При подобной переоброчке в Погорелках в 1812 г. «скинуло» тягло на 72 «копейки» 30 крестьян, а их земля на 68½ «копейки» была разложена «в прибавку» между 74 крестьянами. Кроме того, по отдельным деревням было распределено дополнительное «накладное тягло» с выделением соответствующего количества пашни. В 1814 г. было снято с 44 человек 73 «копейки» и передано 69 крестьянам на 69½ «копейки», причем в регистре был подчеркнут сугубо временный характер данной переоброчки — «впредь на один год». Одновременно в том же порядке было проведено перераспределение и «накладного тягла». От 1815 г. сохранился сильно правленный регистр о наложении дополнительного в результате переоброчки тягла более чем на 50 человек. В 1816 г. с 24 крестьян было снято тягла на 42 «копейки» и на 39 человек наложено 43 «копейки». Наконец, в 1822 г. снятая с 28 человек тяглая земля на 38 «копеек» была передана 28 другим крестьянам⁶⁴. Общие раскладные тяглые книги Погорелковской общины за 1791, 1794, 1796, 1798, 1812 и 1814 гг.⁶⁵ подтверждают наблюдения, сделанные по аналогичным документам Никольской общины за 1780—1810-е годы. По всем деревням даже при сохранении в них одного и того же количества дворов объем тяглого оклада непрерывно колебался. Сличая на протяжении этих лет размер тягла по отдельным дворам, можно видеть, что в одних дворах он оставался неизменным, а в других существенно изменялся. Переоброчка с передачей земли и тягла прослеживается также по мирским приговорам чухломской Аксеновской общины в начале XIX века⁶⁶.

По требованию помещиков либо по собственному решению общины иногда освобождали от тягловых обязательств или предоставляли значительные льготы своим выборным представителям в качестве компенсации за несение мирской службы. Но они же весьма ограниченно давали тяглые льготы своим членам даже тогда, когда помещики требовали таким путем поддержать слабые крестьянские хозяйства. В. Г. Орлов в своем «Уложении» требовал для облегчения «бедных и маломочных семей» снимать с них часть тягла, не отбирая земли, и накладывать эту снятую часть на прожиточных крестьян⁶⁷. Общинная практика его вотчин свидетельствовала о другом. Тяглые льготы при сохранении земельных участков по мирским приговорам в начале XIX в. предоставлялись в Никольской и Елоховской общинах, как правило, только вдовам и солдатам, прежде всего с малолетними детьми («до их возраста»)⁶⁸.

В то же время мирское делопроизводство говорит о концентрации земель в руках отдельных крестьян в результате частных переоброчек и

⁶¹ Там же, ф. 1454, оп. 2, дд. 3021, 3028, 3049.

⁶² Там же, ф. 1369, оп. 1, д. 140, л. 44—об.

⁶³ Там же, лл. 9, 10.

⁶⁴ Там же, д. 172, лл. 22—27; д. 190, лл. 1—5об; д. 199, лл. 1, 2; д. 211, лл. 3—4об; д. 273, лл. 14—21.

⁶⁵ Там же, д. 63, лл. 6—11; д. 70, лл. 1—11; д. 82, лл. 11—24; д. 172, лл. 1—3, 15—21; д. 190, лл. 6—15.

⁶⁶ Там же, ф. 1268, оп. 3, д. 6, лл. 7об., 9об., 10, 12—14об.

⁶⁷ М. В. Довнар-Запольский. Указ. соч., «Университетские известия», Киев. 1910, № 11, стр. 259.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 344, лл. 31, 43об.—45, 46об.—47, 63—66; д. 583, лл. 3—6; д. 725, л. 24; д. 814, л. 3.

принятия ими «скинутых» частей тягла. Конечно, эти части тягла вовсе не обязательно переходили только к зажиточным крестьянам. В 1782 г. в Никольской общине мир отказал одному крестьянину в дополнительной тяглой земле, «затем что у него... своей земли заулишество»⁶⁹. Но тяглы ведомости той же общины за 1805 и 1810 гг. содержат значительно больше обратных примеров, когда за короткий срок тяглые земли постепенно концентрировались в одних руках. В дер. Ваулино крестьянин И. В. Смородин имел «дома» земли на $53\frac{3}{4}$ «копейки»; в 1800 г. он принял в дер. Рукавова на $28\frac{2}{4}$, а в 1807 г. его сын там же — на $24\frac{2}{4}$ «копейки»; в итоге земельный оклад двора возрос более чем вдвое⁷⁰. В дер. Малое Скрылево В. Ф. Меньшой Бодунов имел «собственной» земли на $43\frac{1}{4}$ «копейки», в 1808 г. он «принял» на $21\frac{1}{4}$, а в 1810 г. еще на 30 «копеек» и увеличил свой оклад в 2,5 раза⁷¹. В дер. Большое Скрылево Л. Васильев «дома» имел земли на $31\frac{2}{4}$ «копейки»; в 1804 г. он получил в своей деревне на 15 «копеек», в 1807 г. — еще на 15 «копеек», а в 1810 г. в дер. Ветрово — на $22\frac{2}{4}$ и в Мауринской пустоши — на $5\frac{2}{4}$ «копейки», то есть за 6 лет почти втрое увеличил свой оклад⁷². К 1805 г. у В. Ригина в дер. Пересек было «дома» земли на 41 «копейку»; в дер. Дураково — на 23 и в Емелинской кулиге — на $11\frac{2}{4}$ «копейки»; в 1810 г. его сын в своей же деревне «принял» земли еще на 40 «копеек» и оклад двора возрос втрое⁷³. Т. Федоров, проживавший в дер. Анкудиново, с 1804 по 1808 г. увеличил свой оклад почти в 4 раза — с 35 «копеек» до 1 осьмака $32\frac{2}{4}$ «копеек» в результате четырехкратного приема тяглых частей от разных «владельцев»⁷⁴. В дер. Русиново Г. Игнатьев, имея «своей» земли «дома» на 46 «копеек», увеличил оклад в эти же годы до 1 осьмака 57 «копеек»⁷⁵.

Этот перечень можно продолжить, и тем не менее его нельзя принимать как абсолютное свидетельство процесса концентрации земли у одних крестьян и ее потери другими. Дело в том, что не у всех, даже зажиточных, общинников хватало сил нести тягло с тех окладных долей, которые они «приняли». В 1804 г. явно зажиточный крестьянин дер. Борисово В. Прохоров, имевший «дома» земли на 1 осьмак $54\frac{1}{4}$ «копейки», принял сразу от 3 других дворов на $47\frac{2}{4}$ «копейки», но уже на следующий год вынужден был «скидывать» с себя $11\frac{3}{4}$ «копейки». Крестьянин дер. Малое Скрылево В. Ф. Большой Бодунов к 1805 г. нес тягло в 1 осьмак $27\frac{1}{4}$ «копейки», имея «своей» земли («дома») на $59\frac{2}{4}$ «копейки». К 1810 г. он снизил оклад почти вдвое — до $78\frac{2}{4}$ «копеек»⁷⁶. Такие колебания тяглых окладов свидетельствуют об ограниченных возможностях даже наиболее хозяйственно сильных дворов внутри своей же общины поглощать тягло своих более слабых соседей, которые к тому же обязывались нести поземельное тягло и помещиком и общиной. В этой связи важно отметить исключительную редкость полной сдачи земли в мир и несения отходниками тяглых повинностей только с промысла. По окладным росписям Никольской общины за 1809—1810 гг. можно найти лишь два подобных случая⁷⁷.

Сдача-передача тягла не полностью определяла «статус» общинных земель. Близким по своему существу к этому виду внутриобщинного обращения земли следует признать ее аренду между общинниками. В тех случаях, когда сдача-передача тяглых участков предварительно была

⁶⁹ Там же, д. 39, лл. 18об.—19.

⁷⁰ Там же, д. 550, л. 3об.; д. 725, л. 4.

⁷¹ Там же, лл. 6, 7.

⁷² Там же, д. 550, л. 7об.; д. 725, лл. 7об.—8.

⁷³ Там же, лл. 11об.—12об.

⁷⁴ Там же, д. 550, л. 13; д. 725, л. 14об. (1 осьмак состоял из 100 «копеек»).

⁷⁵ Там же, л. 20об.

⁷⁶ Там же, д. 550, лл. 7, 17об.; д. 725, лл. 6, 7.

⁷⁷ Там же, д. 725, лл. 17об., 29 об., 44 об.

обусловлена частным соглашением между отдельными крестьянами и лишь затем санкционирована мирским правлением, вполне закономерно предположение о наличии финансовой частной сделки, по которой из рук в руки передавалась земля. Принимая во внимание это соображение, сдачу-передачу и аренду можно рассматривать лишь как разные формы одного и того же явления — своеобразного «переливания» тяглых участков из одного хозяйства в другое в зависимости от их тягло-хозяйственного состояния. Земля сдавалась в аренду часто бессрочно; ее владелец лишь оставлял за собой право ее возвращения, но возможны были случаи, когда за длительной арендой скрывалась фактическая продажа тяглой земли⁷⁸. В 1777 г. в нижегородском селе Городец 4 крестьянина «наняли» «себе во владение» на 10 лет за 10 руб. ежегодно пашенную землю у крестьян Нижней Слободы, входившей в состав села⁷⁹. В 1808 г. в Сидоровском вотчинном правлении 12 крестьян показали, что они арендовали внутри общины землю за «известную между нами договорную плату» с обязательством выполнять с этой земли повинности — «пашню принимали на тягло всю от хозяина»⁸⁰.

Более очевидно право распоряжения внутри общины распространялось на земли, приведенные в культурное состояние силами отдельных крестьянских дворов (пустоши, рощисты). Основанием к тому служил вложенный труд по освоению земли, и, если вотчина располагала земельными резервами, некоторые помещики даже признавали за крестьянами право обращения таких земель (Суворовы, Голицыны, Строгановы)⁸¹. А. Л. Шапиро также подтверждает, что «от XVII и от первой половины XVIII в. до нас дошел ряд известий о продаже и обмене крестьянами своих тяглых наделов»⁸².

Ярославская Никольская община в 1814 г. в своем приговоре продаже пустоши аргументировала достаточно ясно — «о залоге запрещения нет, потому и мы обществу бурмистру оную пустошь под залог принять позволили»⁸³. Из сохранившейся среди материалов Писцовской вотчины «книги» записей различных крестьянских сделок, регистрируемых правлением, видно, что в 1820-х годах пустоши без всяких оговорок составляли «собственность» крестьян, переходили по наследству (в том числе и по женской линии) и обращались внутри общины⁸⁴. Подобное обращение пустошных участков в то же самое время известно и в коломенском Киясовском имении Гагариных⁸⁵. Вполне вероятно, что в Писцове и Киясове обращались и расчищенные пустоши, и купленные крестьянами земельные участки, и тем не менее нельзя не заметить тенденции перехода расчищенных общинных пустошей в условную собственность, основывавшуюся на праве обычая. Это право могло нарушаться самим миром, когда у него переставало хватать земли. Даже в первой половине XVIII в. в вотчинах Иосифо-Волоколамского и Пафнутьева-Боровского монастырей «росчистные ляды» через 8—10 лет после «росчистки», а иногда и раньше включались в состав тяглой земли⁸⁶. В пензен-

⁷⁸ Там же, д. 2, л. 7; д. 100, л. 2об.; д. 114, л. 20 об.; д. 82, лл. 12 об., 25.

⁷⁹ Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 511, лл. 46—48.

⁸⁰ Там же, ф. 1454, оп. 2, д. 1138, лл. 1, 2.

⁸¹ Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII столетия. «Труды» Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. VI. Владимир. 1904, стр. 21, 22 (№ 25); «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина». Ч. III. М. 1897, стр. 335—349 (п. 15).

⁸² А. Л. Шапиро. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII века. «Ученые записки Саратовского университета, т. 1 (XIV). Серия Исторического факультета, вып. 1, 1939, стр. 49, 50.

⁸³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, лл. 177—180.

⁸⁴ Там же, ф. 1396, оп. 1, д. 1620, лл. 1, 3об., 4.

⁸⁵ Там же, ф. 1262, оп. 1, д. 6022, лл. 21об., 32об — 33об., 41об — 42.

⁸⁶ Л. Н. Вдовина. Поземельные отношения и крестьянская община в монастырских вотчинах первой половины XVIII века (по материалам Пафнутьева-Боровского и Иосифо-Волоколамского монастырей). Автореф. канд. дисс. М. 1974, стр. 13.

ских и саратовских владениях Куракиных во второй половине XVIII в. шла борьба за перевод рощистей в категорию наделных земель⁸⁷.

Точно так же купленная крестьянами земля лишь условно признавалась общиной «собственностью» отдельного двора или деревни. Если в общине не хватало тяглой земли, то миры стремились к «обобществлению» купленной отдельными крестьянами земли⁸⁸.

К «частному» владению приближались усадебные угодья, входившие в состав общинных земель (конопляники, гуменники, огороды, собственно дворовые участки). В принципе их площадь должна была соответствовать «тяге», то есть пашенной земле, с которой крестьянин нес тягло⁸⁹. При отказе того или иного крестьянина от части тягла им уступалась и соответствующая доля усадебных угодий. Однако в отличие от выделяемой крестьянину пашенной земли, площадь которой в определенных тяглых единицах лишь фиксировалась в общих окладных книгах, отвод земли под усадьбу имел более индивидуальную форму. По данным 1740-х годов в суздальской Лежневской общине и по данным конца XVIII в. и первых лет XIX в. в поволжских общинах Орловых, на отводимые дворовые «места» крестьянам выдавались специальные документы — «владенные памяти»⁹⁰, удостоверявшие их право «вечного потомственного владения», конечно, при условии несения соответствующего тягла. Если крестьянин терял свое хозяйство и становился бобылем, то он вынужден был продавать соседям свои дворовые земли. Таким бобылям, нетрудоспособным вдовам или вернувшимся на родину старым солдатам мир отводил микроскопические участки под «кели».

Мир сохранял за собой только право при перепланировках (особенно после деревенских пожаров) распоряжаться усадебными местами, но с возмещением убытков за снос или перенос строений, и право следить за размещением дворовых построек⁹¹. Право собственности на усадебные земли прочно укоренилось в сознании крестьян-общинников, и при малейшем нарушении границ возникали иски, детально рассматриваемые мирскими комиссиями.

Сложность земельной структуры в общинах, сосуществование разных типов владения землей у крестьян-общинников было важнейшим симптомом далеко зашедшего процесса разложения общеобщинного землепользования. Это обстоятельство особенно четко можно проследить в сложных общинах, где наряду со скрупулезно уравнительным подушным обеспечением земель отдельных селений общины отнюдь не единообразно относились к владению и хозяйственной эксплуатации, с одной стороны, тяглых пахотных, а с другой — пустошных угодий, составлявших мирской резерв, и усадебных земель. Отсюда и двойственность психологии общинного крестьянства, во всяком случае в XVIII — начале XIX в.: представление об «общественной» земельной собственности и вместе с тем бытование мысли о возможности существования частной земельной собственности внутри общины; если первое обстоятельство отражало сложившееся вековое представление о мирской общности, то второе — порождалось и удерживалось экономической потребностью и необходимостью, с которой постоянно сталкивалась как община в це-

⁸⁷ Э. С. Коган. Очерки истории крепостного хозяйства по материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII в. М. 1960, стр. 32—35, 44, 45.

⁸⁸ И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М. 1959, стр. 232.

⁸⁹ Об этом свидетельствуют данные по ряду общин: ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 22, лл. 15, 17, 26, 27 (Лежнево); ф. 1396, оп. 1, д. 739, л. 11 (Писцово); ф. 1384, оп. 1, д. 547, л. 1об.; д. 1028, лл. 1, 4, 5; д. 1193, лл. 2, 3 (Никольское); А. Л. Шапиро. Указ. соч., стр. 51.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 57, лл. 2, 3об.; ф. 1384, оп. 1, д. 368, лл. 42—45; ф. 1454, оп. 2, д. 947, лл. 1—7.

⁹¹ Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 510, лл. 4об.—6; д. 516, лл. 49об., 50; ф. 1396, оп. 1, д. 981, л. 8об.; ф. 1454, оп. 2, д. 947, лл. 1—7; ф. 1262, оп. 1, д. 6022, л. 26.

лом, так и ее отдельные члены перед лицом, с одной стороны, развивавшихся товарно-денежных отношений, а с другой — возраставших феодальных повинностей во всем их многообразии.

Материалы XVIII — начала XIX в. показывают, что земельное хозяйство общины было сложным и систематически регулируемым. В условиях позднефеодальной действительности общины не ставили вопроса об уравнивании имущественного положения своих членов и не стремились удержать равенственность в обеспечении их основным средством производства — землей. Но в то же время общины должны были снабдить всех своих членов участками, хотя бы в рамках прожиточного минимума, а потому, не допуская обезземеливания одних в угоду другим, соблюдали известное соответствие между земельным распределением и тяглыми возможностями крестьян. При упадке того или иного хозяйства община лишь не давала ему пауперизироваться, уменьшая тягло, а тем самым и земельное обеспечение, и много реже — давая тяглые льготы с сохранением земли. Именно следуя этим принципам, общины вели свое земельно-тяглое хозяйство, систематически контролируя тяглоспособность своих членов и добиваясь от них при круговой порuke выполнения феодальных тягот. При такой системе общие земельные переделы, оставаясь атрибутом общины, не отражали повседневный порядок землепользования. Основу же тягло-земельной практики составляло частное перераспределение, что можно признать определенным типом общинного землепользования, возникшим в условиях ограниченного количества годных к хозяйственному освоению угодий (пашен и сенокосов). Разумеется, обособление полей в «вечном владении» отдельных деревень, а внутри их во владении отдельных дворов (особенно дворовых и пустошных земель, а также наличие покупных земель), залоговых и арендные операции нельзя не признать явлениями, свидетельствующими о наличии частнособственнических тенденций распределения земли «навсегда». Однако эти тенденции отражали лишь потенциальные возможности разложения общинного землепользования, которые могли стать преобладающими в других социально-экономических условиях.

Прожиточные крестьяне могли обладать землями значительно большими, нежели им полагалось, но и должны были нести соответствующее тягло. В литературе уже отмечалось, что вотчинное «обложение в расчете на работника было у зажиточных крестьян выше, чем у других прослоек»⁹². Правда, мирские дела находились в руках наиболее состоятельной части общины, и она стремилась не отягощать себя. Внутриобщинная кабала помогала ей дополнять семейный труд и тем самым расширять свое хозяйство⁹³. К тому же состоятельные крестьяне находили поддержку своему предпринимательству в отходе и у своих феодальных владельцев и внутри общины⁹⁴. Тем не менее в условиях крепостничества прожиточные крестьяне при отсутствии пауперизма не могли поглотить полностью слабые тягла, а учитывая все еще ограниченную связь деревни с рынком, далеко не все из них и не всегда были в состоянии вынести повышенное тягло. В массе своей они оставались мелкими производителями и не могли превратиться внутри своей же общины в предпринимателей. Поэтому тенденция к концентрации общинных земель в руках верхушки деревни, заторможенная крепостнической действительностью, не

⁹² И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М. 1967. стр. 284; см. также А. Л. Шапиро. Указ. соч., стр. 54, 57.

⁹³ И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века, стр. 115, 197.

⁹⁴ Мирские банки существовали во второй половине XVIII в. в смоленском имении Паниных Дугино (ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 1121, лл. 106, 37, 38, 55), в начале XIX в. в чухломском имении Куракиных Погорелки (ф. 1369, оп. 1, д. 140, л. 280б.). В ярославской Никольской общине в 1812—1814 гг. мирское правление сужало под проценты и под залог пустошей своим членам сотни и даже тысячи рублей (ф. 1384, оп. 1, д. 583, лл. 167, 168, 1810б — 184, 1920б — 194).

должна абсолютизироваться. У подавляющей массы русского крестьянства, у которого сельское хозяйство оставалось основой производства, общинное перераспределение земли сохранялось. Сугубая условность любого земельного «владения», вызванная прежде всего частнофеодальным правом, а также мирскими традициями и противодействием недостаточно обеспеченной землей части общинников, приводила к тому, что в процессе противоборства общинных и частнособственнических тенденций последняя не приобрела преобладающего значения.

При этих обстоятельствах в земельно-передельной общине (в которой сельскохозяйственное производство во имя выполнения феодальной ренты осуществлялось при систематическом тягловом «порвнении» крестьянских дворов) задерживалась эволюция общинного землевладения к подворному, эволюция от «временного» владения к владению «навсегда».
